

ОТ ЗОЛОТЫХ ЖАБ ДО ЗОЛОТЫХ ЛИЛИЙ: ДЕСЯТЬ СТОЛЕТИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ВЕКСИЛЛОЛОГИИ (КОНЕЦ V - XV ВВ.)

(см. илл. на 2 и 3 стр. цв. вкладки)

«Первые государственные французские символы появились еще в конце V в., когда на белом знамени основателя франкского государства Хлодвиги появились изображения трех золотых жаб, а затем – трех золотых лилий. После принятия христианства белое полотнище сменилось на синее, но три лилии остались, став подлинной эмблемой Франции».¹ В эту великолепную фразу уважаемый профессор и доктор исторических наук В.Г. Бурков сумел вместить аж семь столетий французской истории. Полагаю, было бы полезным несколько развернуть это чересчур лапидарное высказывание.

Прежде всего о трех золотых жабах, которые якобы украшали знамя Хлодвиги (482†511). Это – всего лишь легенда, созданная почти через девять столетий *post factum*. Современные документы от 497 г. (а Хлодвиг крестился 25 декабря 496 г.) – письма Авита, архиепископа Вьеннского, и папы Анастасия, в которых королю франков приносятся поздравления по случаю крещения, – не упоминают никаких чудес, сопровождавших это событие.² Григорий Турский (†593 г.), написавший свою «Историю франков» менее чем через сто лет после крещения Хлодвиги, описывая это событие и упоминая всякие мелкие чудеса перед обрядом, ни словом не обмолвился о таком важном чуде, как превращение языческих жаб в христианские лилии.³ То же относится и к хронике Фредегара (†660 г.).⁴ «*Vita sancti Remigii*», написанная Хинкмаром, архиепископом Реймса (842†882), рассказывает о чуде голубки, принесший для крещения Хлодвиги ампулу со святым елеем (рис. 1).⁵ Эту последнюю легенду повторяет реймский монах Флодоард в «Истории Реймской церкви» (середина X в.).⁶

Первоначальным вариантом красочной истории о превращении жаб в лилии мы обязаны безвестному монаху аббатства Жуайенваль, некогда располагавшегося в Шартрском диоцезе к северо-западу от Парижа. В первой половине XIV в. этот монах сложил весьма посредственную в художественном отношении поэму на латыни, в которой впервые и была рассказана следующая история:

Перед сражением с неким тираном Конфлаком на щите язычника Хлодвиги вдруг появились три золотые лилии в лазоревом поле вместо его обычных полумесяцев⁷. Сражаясь этим оружием, Хлодвиг ощутил небывалый прилив сил и одержал победу над противником. Королева Клотильда

потом призналась своему мужу, что жившему неподалеку христианскому отшельнику было видение – ангел принес щит, украшенный лилиями. Она сказала также, что три лилии символизируют святую Троицу, давшую Хлодвигу победу, золотой цвет их означает вечность его власти, а лазурь – небо, которое Христос даст Хлодвигу, если тот крестится. И оставив своих языческих богов Юпитера и Меркурия, Хлодвиг отправился искать св. Ремигия, чтобы принять крещение⁸.

Легенда была воспринята сразу. Уже как историческая правда она включена Раулем де Прель в предисловие к переводу «Града Божьего», который он сделал по заказу короля Карла V между 1371 и 1375 г. Тогда безымянный отшельник был заменен св. Дионисием, покровителем Франции; несколько позже – в XV в. – полумесяцы уступили место жабам,⁹ а герб Хлодвига иногда превращался в его знамя¹⁰ (рис. 2).

Нет никаких сомнений, что знамя у Хлодвига было. Всю свою жизнь он провел в военных походах и сражениях, где знамя являлось центром управления войском: оно обозначало командный пункт и место сосредоточения, указывало направление движения в походе, наступление или отход, призыв о помощи в бою. Известны знамена современников Хлодвига – Одоакра (†493 г.) и Теодориха Великого (†526 г.). Первый был вождем германского племени скиров и начальником наемного отряда на римской службе. В 476 г., подняв мятеж, он низверг последнего императора Западно-Римской империи Ромула Августула и провозгласил себя королем. Теодорих Великий, король остготов (482-526), был счастливым соперником Одоакра, которого он убил в 493 г. Знамя Одоакра было трехцветным: черно-золото-зеленым, а Теодориха – бело-золотым. Оба знамени были увешаны бубенцами, что позволяло на слух определить их местонахождение даже в темноте.¹¹ Поскольку оба вождя довольно тесно соприкасались с римской военной культурой,¹² можно предположить, что по конструкции их знамена аналогичны знаменитому лабаруму Константина Великого (†337 г.), который в свою очередь является наследником кельтского лабарума.¹³ Следовательно, эти знамена представляли собой кусок ткани на поперечине, прикрепленной шнурами к копьевидному древку.¹⁴

Надо полагать, что и знамя Хлодвига, короля франков, являло собой нечто подобное. Согласно преданию, в 507 г. в сражении при Вуйе (in campo Vogladinse), в 10 римских милях от Пуатье, новообращенный христианин Хлодвиг приказал нести перед войском в качестве знамени плащ св. Мартина и, победив вестготов-ариан, собственной рукой убил их короля Алариха.¹⁵ Но есть и решительные возражения, например, Ш. Дю Канжа, французского эрудита XVII в., против того, что плащ апостола Галлии служил знаменем.¹⁶ Можно, однако, предположить, что знамя франков имело голубой или синий цвет как символ плаща св. Мартина, и со временем произошло их отождествление. Саму же реликвию могли выносить к войску для поднятия боевого духа перед сражением. Тому известны примеры, правда, более позднего времени: так, при осаде Шартра норманнами в 911 г. к защитникам города на стены выносили тунику св. Девы Марии.¹⁷

Не осталось никаких достоверных свидетельств о знамени меровингских королей. Но св. Мартин всегда считался особым покровителем династии: его плащ (лат. Сарра) хранился в их домовая церкви-капелле. Надо полагать, что и воинское знамя оставалось голубым: «... *ornamenta coerulei coloris*». ¹⁸ В 732 г. Карл Мартел (†741 г.) разгромил при Пуатье сарацин, и «плащ св.Мартина увидел вал отступавших захватчиков». ¹⁹

О знаменах внука Мартела – Карла Великого (768†814) известно несколько больше, так как сохранились изобразительные памятники. То, что в число их не входила орифламма (*auriflamma* «золотое пламя»), уже доказано, и об этом речь пойдет ниже, согласно хронологии.

Мозаики в триклиниуме Латеранского дворца пап римских, созданные ок.798-800 гг. ²⁰ и еще существовавшие в XIX в., представляют два знамени, связанные с именем Карла Великого. Первое из них – «ярко-зеленое, усеянное множеством золотых искр неопределенной формы», ²¹ – называлось «римским» или «латеранским». Оно было вручено папой Львом III королю франков как патрицию города Рима вместе с ключами от могилы апостолов (796 г.). ²² Именно оно изображено на мозаике «Передача новой столы св. Петром» (рис. 3). Легенда под мозаикой гласит: «Святой Петр, дай жизнь папе Льву и победу Карлу». ²³ Луи де Буйе, посетивший Рим, лично составил более точное описание этого знамени: «древко зеленое (...), навершие копьа голубое слева и белое справа, кисть (под навершием – Т.С.) – сине-бело-красная; фон знамени темнозеленый, затканый золотом, он несет 5 колец (2:2:1), имеющих белый центр, зеленый фон и красную окружность; полотнище с тремя фестонами и не окаймлено». ²⁴ Как мы видим, это знамя по конструкции уже не является хоругвью; полотнище прикреплено прямо к вертикальному древку.

Другая мозаика представляет «Иисуса Христа, сидящего на престоле и вручающего ключи и знамя двум коленопреклоненным фигурам – священнику и воину. Первый, скорее всего, св. Петр; второй, судя по некоторым значимым деталям, – Карл Великий». ²⁵ Знамя красное с 6 розами, образованными из золотой середины, голубого и красного кругов, и покрыто 14 или 16 золотыми крестиками. Древко завершается бело-красным шаром, на который водружен белый крест; под шаром – бело-красно-голубая кисть». ²⁶ Как отмечает Г.Дежарден, давший это описание, своим пурпурно-красным цветом и крестом знамя Карла Великого перекликается с лабарумом Константина Великого, а золотые розы являются символом царства Христова. ²⁷ Как мы увидим в дальнейшем, это последнее знамя имеет немало общего и с орифламмой Капетингов; по всей вероятности, именно оно в «Песни о Роланде» называется «орифламмой Карла Великого».

Вот дословный перевод фрагмента «Песни о Роланде» из самого раннего англо-нормандского Оксфордского списка (около середины XII в.):

3084 *Десятая колонна – это бароны Франции. (...)*

3090 *У них щиты с личными знаками,*

Они снаряжены и требуют сраженья;

*«Монжу!» – кричат: с ними Карл Великий.
Жоффруа д'Анжу несет орифламму:
Она святому Петру принадлежала
и имела название «Римлянка»,*

Но на «Монжу» она его сменила. (...)»²⁸

Из позднейших списков поэмы (и французских, и немецких) исчезает сначала упоминание о «римском» знамени св.Петра, потом об «орифламме», и наконец, Карл Великий уже сам несет обычное «знамя» (enseigne).²⁹

Кстати, и Жоффруа Анжуйский не был знаменосцем Карла. Само понятие графства Анжу сформировалось только в конце IX в., до того эти земли назывались «областями по ту и эту сторону реки Мэн», управлялись двумя назначаемыми графами и входили в обширную марку Робера Сильного, предка Капетингов (†866 г.). Родоначальником династии графов Анжуйских считается Ингельгер, живший в конце IX в.; его сын Фульк Рыжий 5 июля 905 г. впервые отмечен в грамоте как вице-граф Анжера и Тура,³⁰ то есть эти земли были его «должностными», а не родовыми владениями. Первый граф Жоффруа Анжуйский по прозвищу Гризогоннель («Серый Плащ»), внук Фулька Рыжего, жил во второй половине X в. и умер в 987 г. Если верить «Анжуйской хронике» (XII в.), то ок.978 г. именно он нес королевское знамя в сражении с датчанами,³¹ но королем тогда был Лотарь (954†986). В дальнейшем имя Жоффруа стало родовым и встречается в каждом поколении графской династии на протяжении XI-XII вв.³² Так что использование образа Жоффруа Анжуйского вполне адекватно что для середины XII, что для конца XI в. (к этой последней дате некоторые специалисты относят первоначальный записанный текст «Песни»³³). Кроме того, графы д'Анжу являлись авуэ (advocatus), т.е. светскими защитниками аббатства св.Мартина Турского (Сен-Мартен-де-Тур) и как таковые возглавляли военные походы против врагов аббатства (обширные владения и богатство которого, заметим, позавидовал бы и сам король) и имели привилегию носить «vexillum Sancti Martini», о чем неоднократно упоминают местные хроники XI-XII вв.³⁴

Знамя св. Дионисия (будущая орифламма) из той же серии, и первоначально считалась хоругвью знаменитого аббатства для его владений в Вексене. В конце XI в. (после 1076/81 г.) французский король Филипп I (1060†1108) захватил графство Вексен как выморочное имущество своего вассала и, выдержав жестокую войну с Вильгельмом Завоевателем, герцогом Нормандским (1035†1087) и королем Англии (1066-1087), в 1092 г. инвестировал этим графством своего первенца – 11-летнего Людовика, будущего VI (1108†1137). Во Второй Вексенской войне 1097-1098 гг. 15-летний принц уже лично руководил военными операциями. Аббатство Сен-Дени имело в Вексене обширные владения и нескольких авуэ, среди которых теперь был и молодой принц.³⁵

В начале XII в. Капетингская монархия, только-только начавшая выбираться из глубокой ямы феодальной анархии, была еще очень слаба.

В 1124 г. положение короля Людовика VI казалось почти что отчаянным: против него выступили Англия и Священная Римская империя, папа Каликст II готовился присоединиться к ним. В июле коалиция между Генрихом I Боклерком (1100†1135) и его зятем-императором Генрихом V (1105†1125) окончательно оформилась, германцы вторглись в восточные области Франции – страна оказалась перед лицом величайшей опасности.

В этих обстоятельствах Людовик VI при активной поддержке Сугерия, аббата Сен-Дени (1122†1151), обратился ко всему народу своего королевства и, чтобы спасти Францию, принял оружие перед алтарем св. Дионисия – главного покровителя королевства и особого патрона династии. «Большие Французские хроники», составленные в Сен-Дени монахом Приматом в последней трети XIII в., сообщают нам, что крупнейшие вассалы короны, презрев старинную вражду между собой и с королем, в присутствии короля составили поистине национальную армию.³⁶

Король принял знамя из рук аббата как граф де Вексен. По крайней мере, так сказано в грамоте от 1124 г.: «...Знамя с алтаря святых мучеников (т.е. Дионисия, Рустика и Элевтера – Т.С.), которым принадлежит и графство Вексен, которое от них мы в лен имеем, увидеть удостоились, обычаям древних предков наших служа и подражая, по праву «знаменосца», графу де Вексен принадлежащему, подняли», – но до этого времени документы аббатства нигде не упоминают ни о самом знамени св. Дионисия (*vexillum Sancti Dionysii*), ни о существовании должности «знаменосца» (*signifer*).³⁷ Более того, король, держа земли в лен от кого бы то ни было, никогда не исполнял никаких вассальных обязанностей.³⁸ Не была ли эта торжественная и очень значимая для французских грандов церемония освящения знамени на алтаре св. Дионисия специально придумана двумя очень неглупыми политиками – аббатом Сугерием и королем Людовиком VI – именно для данного конкретного случая? Да и сама грамота, возможно, была продиктована аббатом Сугерием – уж больно искусно в нее введены тонкие и точные намеки на существование давней традиции такого рода, хотя прямо нигде ничего не заявлено – историки до сих пор на них попадают.

Не известно, как выглядело это знамя. Ш. Дю Канж полагал, что оно было сделано как церковная хоругвь, которую обычно носят во время процессий – она квадратная, вырезанная фестонами в разных местах внизу, украшенная бахромой и привязанная сверху к горизонтальной палке, которая ее держит расправленной, и имеет древко в форме копья. (...) Большинство писателей (...) добавляют, что ее материей был шелк или тафта, ее цвет – красный.³⁹

Следует заметить, что по крайней мере до конца XII в. ни в грамоте 1124 г., ни в ранних списках «Жизни Людовика VI Толстого», написанной Сугерием (известно три списка XII в. и один – XIII в.), ни в других письменных источниках (исключая уже цитированный отрывок из «Песни о Роланде» и поддельную грамоту от 25 января 997 г., якобы данную аббатству Сен-Дени королем Робером Благочестивым) не встречается название

«орифламма», и тем более не отождествляются «*vexillum Sancti Dionysii*» и орифламма.⁴⁰ Ш. Дю Канж отметил фрагмент из «*Gesta Ludovici VII*» (гл.4), где упоминают «*vexillum B.Dionysii quod gallice oriflambe dicitur*» («Знамя блаженного Дионисия, которое по-французски называется орифламмой»), – но ныне этот текст признан поздним латинским переводом французской хроники XIII в.⁴¹

Однако хроника Псевдо-Тюрпена и Рифмованная хроника Филиппа Муске (XIII в.) показывают, что уже в конце XII в. Филипп II Август (1180†1223), внук Людовика VI, проявлял большой интерес к Карлу Великому. Мечтая возродить Францию в границах, которых достиг Карл, молодой король даже приказал во время своей коронации нести большой меч Карла Великого.⁴² Именно в это время зарождается традиция соединять личность короля с образом Карла Великого и возвеличивать связанное с ним славное прошлое.⁴³ Вот отрывок хроники, созданной вскоре после 1200 г., в котором описаны события 1190 г. перед крестовым походом Филиппа Августа:

*«... Король Филипп (...) к церкви блаженнейшего Дионисия-мученика, Франции особого покровителя, (...) поспешил, чтобы этому святому себя и королевство преданно коммендировать (т.е. отдать под защиту и покровительство – Т.С.), таким образом предков благоговению стремясь подражать, ведь по примеру короля Карла Великого, который первый орифламму или знамя святого Дионисия поднял, от врагов защищая христиан, Святую землю освободил. Это знамя от алтаря славного мученика приняв по обычаю (...) на основании графства Вексен ...»*⁴⁴

Отзвуком тех же идей являются и витражи Шартрского собора, посвященные Карлу Великому (созданы после 1221 г.): Карл Великий приносит реликвии в Аахен; Карл Великий приказывает построить церковь во имя св. Иакова; Взятие Памплоны Карлом Великим; Роланд трубит в рог и рубит скалу в Ронсевальском ущелье; и др.⁴⁵

Ценнейшим свидетельством для нас является хроника Гервазия Кентерберийского (конец XII - начало XIII в.), в которой показано, что знамя св. Дионисия могло быть поднято и в случае довольно небольших военных экспедиций, вроде похода против графа Фландрского, а самое важное – хронист объясняет, что красный цвет этого знамени означает войну без жалости, в которой альтернативой победы могла быть только смерть: «... король Франции Филипп нес знамя короля Карла, которое со времени этого государя и до наших дней было во Франции знаменем смерти или победы (*signum mortis vel victoriae*)».⁴⁶

В 1214 г., когда Франции угрожала серьезная опасность от соединенных сил английского короля Иоанна Безземельного (1199†1216), императора Оттона IV Брауншвейгского (1208-1215, †1218) и ряда восточнофранцузских сеньоров во главе с Рено де Даммартен, графом де Булонь (1190†1227), Филипп Август воспользовался идеей своего деда Людовика VI, чтобы объединить своенравных вассалов под знаменем, освященным национальным патроном. Вильгельм Бретонец, ученый-капеллан и придвор-

ный историограф Филиппа Августа, в «Филиппиде» (закончена ок.1225 г.) дал описание знамени (см. рис. на 2-й стр. цв. вкладки), которое развевалось над французской армией в битве при Бувине 27 июля 1214 г. (где Вильгельм лично присутствовал): *«Простое знамя, вытканное из простого шелка, ярко-красного великолепия, подобное тем, которыми прежде пользовалась церковь, которое называется «золотым пламенем» («орифламмой») на народном языке и которое во время войны предшествует другим знаменам, и аббат Сен-Дени по обычаю передает его королю всякий раз, когда тот брал армию и отправлялся в сражение».*⁴⁷

Для этого времени мы имеем и замечательный материальный памятник, практически синхронный событию, – витраж собора Нотр-Дам-де-Шартр, датируемый 1225-1230 гг.: он представляет св. Дионисия, вручающего знамя Жану Клеману, сиру дю Мец-ан-Гатине, маршалу короля Франции (1214-1226...).⁴⁸ Оно ярко-красного цвета в форме банньера с пятью косицами, прикреплено к древку в трех местах (рис. 4).

Следующее свидетельство принадлежит перу Жана де Жуэнвилль, написавшего «Историю Людовика Святого» в конце XIII в. (окончена 1309 г.). Автор сам участвовал вместе с этим королем в крестовом походе 1248-1251 гг.: *«...Знамя св. Дионисия, которое плыло на другом корабле перед королем (...). К нашему правому борту подошла галера, на которой находилось знамя св. Дионисия (...). Когда король узнал, что знамя св. Дионисия уже на земле (...).»*⁴⁹ Жуэнвилль не дал описания этого знамени, но вероятно, оно выглядело как то, что изображено на витраже Шартрского собора, а может быть, и было тем же самым, как полагают некоторые историки. По всей вероятности, это знамя св. Дионисия погибло в сражении при Мансурахе 8 февраля 1250 г.: *«... Тогда король приказал гонфанону св. Дионисия и своим банньерам, чтобы они уходили справа к реке (...). Мусульмане сбросили все другие отряды вместе с отрядом короля в реку; (...) там разгром был столь велик, что река покрылась копьями и щитами, лошадьми и людьми, которые тонули и гибли (...).»*⁵⁰ Во всяком случае среди счетов аббатства Сен-Дени за 1286-1287 гг. отмечен один *«pro vexillo beati Dionysii reparando»* (на восстановление знамени блаженного Дионисия).⁵¹

В XIV в. судьба национальной святыни Франции была столь же драматичной. В самом начале столетия – 18 августа 1304 г. – в сражении при Монс-ан-Певель во Фландрии орифламма (теперь это ее единственное название) была взята фламандцами после гибели «стража орифламмы» Ансо (Ансельма) де Шеврез: *«... Назавтра нашли орифламму, лежавшую среди поля, которая там всю ночь пролежала. И была найдена в двух лье (т.е. ок. 9 км от места сражения – Т.С.)».*⁵² Вильгельм Гиар, автор рифмованной хроники «*Branche des royaux lignages*», бывший знаменосцем Орлеанского отряда в начале Фландрской кампании, описал ее так: *«Орифламма – это банньер (...) простого красного шелка (...) безо всякого изображения».*⁵³

«Фландрская хроника» (первая половина XIV в.) сообщает нам, что в сражении при Касселе 23 августа 1328 г. «...*Мессир Миль де Нуайе поднялся на своего большого боевого коня, покрытого кольчужным доспехом, и держал в руке копьё, к которому была прикреплена орифламма пурпурно-красного шелка, наподобие гонфанона с тремя косицами и с кистями зеленого шелка*». ⁵⁴

«Большие Французские хроники» в главе, относящейся к правлению Филиппа VI де Валуа (1328†1350), дают несколько иное описание орифламмы: «...*пурпурно-красного шелка в виде гонфанона с двумя косицами и вокруг кистями зеленого шелка*». ⁵⁵ Эта последняя орифламма развивалась над французской армией в битве при Креси (1346 г.) (рис. 5), при Пуатье (1356 г.), при Роозбеке (1382 г.); при Азенкуре (1415 г.) из-за отсутствия короля она не была развернута.

На миниатюре, иллюстрирующей трактат Жана Голена о коронации королей Франции, созданный около 1372-1374 гг., изображено знамя довольно маленького размера, сделанное из красного узорчатого шелка и завершающееся мало заметными разрезами или зубчиками в количестве 13 штук. ⁵⁶ На копии миниатюры, сделанной Гэньером с манускрипта, некогда хранившегося в библиотеке целестинцев, эти зубчики выглядят как бахрома (рис. 6).

Иллюстрации к рукописи, сделанные ок.1410 г. и представляющие серию сражений – при Касселе, Креси и Пуатье, – изображают огромную орифламму, довлеющую над сражающимися и над всеми другими знаменами: ярко-красная ткань усеяна беловатыми пятнами-отблесками и имеет пять косиц. ⁵⁷

Рукопись «Хроник» Жана Фруассара († ранее 1404 г.) из собрания Национальной библиотеки Франции, датируемая временем Людовика XI (1461†1483), представляет орифламму в сражении при Пуатье следующим образом: «длинный и очень узкий банньер с двумя косицами и надписью JOIE DE SAINT-DENIS («радость св. Дионисия»), – под завершием древка красная кисть и два длинных золотых шнура». ⁵⁸ В том же манускрипте орифламма при Роозбеке имеет ту же форму, но ткань усеяна чем-то вроде золотых языков пламени, несет у древка полусолнце и увенчана голубкой. ⁵⁹ Рукопись тех же «Хроник» из библиотеки Арсенала, датируемая ок.1520 г., на миниатюре, представляющей сражение при Роозбеке, также изображает орифламму в виде красного, очень узкого банньера с двумя косицами и распростершей крылья голубкой в качестве завершия древка. ⁶⁰

Согласно традиции, король поднимал орифламму, только когда шел сражаться за веру и Церковь или для защиты своего королевства: «...*Наследники после него брали всякий раз (...), когда турки или язычники воевали, которые были полностью грешны, или лже-христиане осужденные (...)*». ⁶¹ После больших колебаний орифламма была поднята при Роозбеке и только потому, что папа Клемент VII назвал фламандцев «*неверующими и вне веры*». ⁶² Орифламма не поднималась в 1386 г., ко-

гда намечалась экспедиция против Англии, так как «она (орифламма – Т.С.) должна браться только для защиты королевства, а не когда хочешь завоевать другую страну». ⁶³ И в целом орифламма не использовалась для осад или мелких стычек, а только для регулярного сражения, считавшегося в ту эпоху чем-то вроде Божьего суда. Когда навязанное противником сражение становилось неизбежным или король сам решал дать его, то только в этот момент следовал приказ развернуть орифламму (до того «страж орифламмы» носил ее на груди), то есть поднять на копье над войском, – это означало начало открытой войны. ⁶⁴

Церемония подъема орифламмы (*levée de l'oriflamme*), которая известна нам главным образом по источникам последней трети XIV в., проводилась в Сен-Дени обязательно в присутствии государя: реликвии св. Дионисия (а с 1392 г. также и реликвии Людовика IX Святого) выставлялись на алтарь святых мучеников Дионисия, Рустика и Элевтера ⁶⁵ аббатской церкви; король входил без головного убора и без пояса и бросался перед ними ниц. После того, как он приносил клятву на реликвиях, аббат клал под корпораль на алтаре сложенную орифламму, потом передавал ее королю (рис. 7). Король брал ее и в свою очередь передавал одному из рыцарей, обычно зрелого возраста и испытанной верности, прославившемуся своей храбростью и военным опытом. Этот рыцарь таким образом становился «стражем орифламмы» (*garde de l'oriflamme, porte-oriflamme*).

Одновременно с принятием орифламмы он получал причастие, потом король целовал его в губы, и «страж орифламмы» приносил традиционную клятву, стоя коленопреклоненным и с обнаженной головой (рис. 6). *«Вот клятва, которую приносит рыцарь, которому король поручает носить орифламму. Вы клянетесь и обещаете на драгоценном теле Иисуса Христа священном, здесь присутствующем, и на телах монсеньора святого Дионисия и его спутников, которые здесь суть, что Вы верно в вашем лице будете держать и управлять орифламмой монсеньора короля, здесь присутствующего, к чести и пользе его и его королевства. И предвидя смерть или другое несчастье, которое могло бы случиться, се не покинете. И исполните свой долг полностью, как доброму и верному рыцарю надлежит сделать по отношению к своему сюзерену и законному сеньору».* ⁶⁶

После этого он, держа орифламму со всем возможным почтением, давал ее поцеловать всем присутствующим рыцарям; потом вешал себе на шею и так шествовал впереди короля вплоть до того, как встречали врага. На поле битвы «страж» поднимал орифламму на копье и становился во главе войска. ⁶⁷ Честь носить орифламму была весьма опасной, ибо в сражении именно на «страже» сходились вражеские удары, а он должен был «без боязни к врагу» идти вперед и до самой смерти защищать доверенную ему реликвию – Ансо де Шеврез при Монс-ан-Певель (1304 г.) ⁶⁸ и Жоффрау де Шарни при Пуатье (1356 г.) – этот долг исполнили до конца. ⁶⁹ При Креси (1346 г.) орифламма была разорвана в клочья, а ее страж Миль де Нуайе серьезно ранен. ⁷⁰

После сражения или похода орифламма торжественно возвращалась обратно в церковь аббатства Сен-Дени на хранение.⁷¹ Но во второй половине XIV в. функции «стража» стали постоянными на некоторый период: так, Арнуль д'Андреан (Одреан) отправлял эту должность в 1368-1372 гг.; Пьер де Вилльер, сир де Л'Иль-Адам, в 1372-1382 гг., Ги де Ла Тремуи в 1383 г.; Вильгельм де Борд в 1383-1397 гг.; Пьер д'Омон, сир де Крамуази, в 1397-1414 гг.; Вильгельм Мартел, сир де Баккевилль, в 1414-1415 гг.⁷²

Долгое время «страж орифламмы» не имел ничего, кроме славы, за свою опасную службу; но в середине XIV в. он стал получать пенсию из королевской казны. Документ Счетной Палаты от 1 октября 1372 г. свидетельствует:

*«...Сеньор де Нуае был поддержан Большим Королевским Советом пенсией в 2000 ливров и долгое время спустя после того, как ему было приказано носить орифламму, и от этого он не имел ничего, за исключением того времени, когда он носил орифламму и был на содержании короля. Так же, мессир Жоффрау де Шарни был поддержан Большим Королевским Советом пенсией в 1000 ливров и после того ему была доверена орифламма безо всякого увеличения, как выше, на все расходы. Так же, маршал д'Оденан (д'Андреан – Т.С.), когда оставил маршальскую должность, был поддержан Большим Королевским Советом пенсией в 2000 ливров, потому что он не взял ничего от короля и был старым человеком, и ничего не получил за ношение орифламмы».*⁷³

Как ни старался Карл V (1364†1380) возродить прежнюю «мистическую жизнь» орифламмы, традиция постепенно угасала. В 1415 г. орифламма впервые была поднята в отсутствие короля⁷⁴ (Карл VI (1380†1422) с 1392 г. страдал уже глубоким безумием); в 1415 (после сражения при Азенкуре 25 октября) - 1418 гг. «стражами орифламмы» были случайные люди.⁷⁵ Кабошьенский ордоннанс от 26-27 мая 1413 г. упразднил денежную пенсию «стражу», по крайней мере на те годы, когда орифламма не поднималась.⁷⁶ В 1417 и 1418 г. вопреки традиции орифламма использовалась в гражданских войнах, и была поднята каждой из враждующих сторон – и «Бургундцами», и «Арманьяками».⁷⁷

В 1465 г. в церкви Сент-Катрин-дю-Валь, принадлежавшей аббатству Сен-Дени, король Людовик XI (1461†1483) поднял наследницу орифламмы – «красное знамя с двумя фестонами, на котором изображено солнце в сопровождении четырех золотых крестиков», – перед сражением со своими подданными-членами Лиги общественного блага при Монлери.⁷⁸

Орифламма уходит в предания как «*Богом данная в великой милости*»,⁷⁹ как «*посланная небом в великой тайне*»,⁸⁰ как вечно живой символ, дарующий победу над врагом.⁸¹

Орифламма возвратилась на вечное хранение в Сен-Дени. В инвентаре сокровищницы аббатства от 1505 г. упоминается некое знамя, которое монахи называли орифламмой. В 1534 г. комиссары Счетной Палаты, проводившие инвентаризацию той же сокровищницы, нашли там «*знамя очень толстой шелковой ткани с фестонами посредине на манер гонфа*»

нона, очень ветхое, обернутое вокруг палки, покрытой позолоченной медью, с длинным и острым копьём на конце». ⁸² В 1594 г. отмечено, что ткань наполовину съедена молью. ⁸³ В 1505 г. орифламма была прикреплена к столбу близ могилы св. Мучеников, позднее ее держал один из ангелов, окружавших алтарь. В 1626 г. могила и алтарь XII в., лишившиеся своего драгоценного убранства во время религиозных войн XVI в. и разрушенные временем, были разобраны окончательно и заменены новым мраморным произведением скульптора Тома Бодена. Вместе с ними исчезла и орифламма – во всяком случае к началу XVIII в. ее уже не существовало. ⁸⁴

Однако, ни знамя св. Дионисия, ни тем более орифламма изначально не являлись собственно королевскими знаменами. Но таковое, несомненно, существовало, хотя упоминания о нем буквально единичны. Аббон, монах Сен-Жермен-де-Пре (†923 г.), в своей поэме об осаде Парижа норманнами в 885-886 г. писал, что «двое знаменосцев поспевают из доброго города и поднимаются на башню, неся на своих копьях знамена цвета шафрана, столь грозные в глазах датчан». ⁸⁵ Но чьи это были знамена: Гаузлина дю Мэн, епископа Парижского (884†886), руководившего защитой города, или Эда, графа Парижского (будущего короля, 888†898), в тот момент оборонявшего башню? В любом случае не королевские, ибо избранный король Карл Толстый (884-887, †888) находился тогда далеко от осажденного Парижа – в Вормсе. ⁸⁶ Реймский монах Рихер в «Четырех книгах истории» (конец X в.) говорит о знамени короля Эда, не называя ни цвета его, ни формы. ⁸⁷ «Анжуйские хроники» (XII в.) упоминают королевское знамя, разрезанное на «языки» (*vexillum regis lingulas*), опять-таки не описывая цвета, в сражении, данном датчанам близ Парижа ок.978 г. ⁸⁸

Следующее замечание относится уже к середине XII в., к крестовому походу короля Людовика VII (1137†1180). «*Gesta Ludovici VII*», первоначальный текст которых датируется XIII в., сообщают, что в сражении во Фригийских горах в 1147 г. Жоффруа де Ранконь нес королевский банньер (*«illa die (...) Gaufridus de Ranconio (...) gerebat regis baneriam (...)»*), и это не было знамя св. Дионисия, которое несли перед ним (*...baneriam quam praecedebat (...) vexillum beati Dionysii (...)»*). ⁸⁹ И опять нет никаких указаний на цвета и изображения на этом банньере, что не мешает некоторым исследователям считать его лазоревым, усеянным золотыми лилиями. ⁹⁰

Вне всякого сомнения банньер (от готск. *Vandi* – знак, ⁹¹ или германск. *Vand* – знамя) или, точнее, гонфанон (от франкск. *Gunfano* – боевое знамя ⁹²), то есть узкое полотнище с двумя, тремя, четырьмя или пятью косицами, было у каждого французского короля, по крайней мере, начиная с Гуго Капета (987†996). Как и всякий сеньор (а Гуго до вступления на королевский престол носил титул герцога Французского в 956-987 гг.), имевший право созывать бан и вести войско в поход (ост), король собирал его под свой гонфанон как символ военной власти и знак главнокомандующего; на него – королевский гонфанон – вассалы ориентировались в походе и сра-

жени. Гонфанон указывал местонахождение короля, и его нес «знаменосец» (signifer, port-йtendant), всегда рядом с государем. Тому есть материальное подтверждение – печать Людовика VI, короля-соправителя Филиппа I, от 1100 г., на которой Людовик изображен с гонфаноном в три косяцы, полотнище разделено на три вертикальные полосы (рис. 8).⁹³

Правление его внука Филиппа Августа дает исследователям полноценные нарративные и изобразительные сведения. Гонфанон этого государя нарисован на краю листа в манускрипте, датированном ок.1185-1190 г., из библиотеки аббатства Сен-Виктор-де-Пари (рис. 9).⁹⁴ Первым знаменосцем Филиппа Августа считается Вильгельм де Рош, сир де Сабле (†1222 г.).⁹⁵ Надо полагать, именно этот гонфанон описан Вильгельмом Бретонцем в «Gesta Philippi Augusti»: «...Они увидели королевское знамя – в поле лазоревом золотые лилии, – которое в тот день (27 июля 1214 г. – день сражения при Бувине – Т.С.) нес рыцарь по имени Галон де Монтиньи». ⁹⁶ Витраж Шартрского собора представляет нам королевское знамя – банньер – почти квадратное, лазоревое цвета, усеянное золотыми лилиями, – в руках принца Людовика (будущего VIII (1223†1226), то есть ок.1221-1223 г. (рис. 10).⁹⁷

Во второй половине XIV в. королевский банньер, покрытый лилиями, благословлялся в Реймсе в ходе особой торжественной мессы во время процедуры коронации. Жан Голен в «Трактате о коронации французских королей» называет его «суверенным знаменем короля».⁹⁸

В самом начале XIV в. рядом с банньером короля появляется другой знак – узкое длинное полотнище в форме вымпела, – носивший название «пеннон» (реппон от старофранц. Рене – птичье перо⁹⁹). Вильгельм Гиар писал: «...Воины (...) видят росписной королевский герб, его пеннонсель, вышитый шелком, и слышат клич «Монжуа!» в полный гопос вокруг короля». ¹⁰⁰ Ордоннанс 1306 г. устанавливал, что когда король отправляется на войну, «первый камергер несет банньер короля, (...) первый валет (valet tranchant) должен быть как можно ближе позади короля, неся его пеннон, который должен следовать за ним повсюду, куда бы король ни шел, чтобы каждый знал, где король находится». ¹⁰¹ Если же король не возглавлял армию в каком-то походе, то его пеннон сопровождал «лейтенанта короля» (tenens locum regis, lieutenant du roi – досл. «державший место короля»), то есть того, кто принял командование на себя. Так, например, Бертран дю Геклен в Испанской экспедиции 1365 г. имел треугольный пеннон лазоревое цвета с тремя золотыми лилиями. ¹⁰²

В XV в. к пеннону присоединился «штанدارт» (йtendant – знамя). Первоначально между банньером и штандартом была заметная разница в форме. Первый являлся куском ткани почти квадратным, тогда как последний был более удлиненным (соотношение длины и ширины могло быть разным – 3:1, 5:3, 16:2,5 и др.), часто завершался двумя свободно развивающимися «языками» (косицами). И самое главное: банньер и пеннон обычно несли герб короля, а штандарт (и связанные с ним пеннонсо – значки для личных отрядов короля) – девиз и/или изображение.

Так, в 1437 г. при вступлении Карла VII (1422†1461) в Париж его паж нес королевский штандарт, который «в качестве своеобразного девиза имел множество золотых звезд и внутри них святого Архангела Михаила, вышитого лазурью и чистым золотом».¹⁰³ В 1449 г. при въезде того же короля в Руан хронисты отметили королевский штандарт красного шелка, усеянный золотыми солданами со св. Михаилом в поле.¹⁰⁴ В первых кампаниях Итальянских войн штандарты несли символы Людовика XII (1498†1515): золото-красные полотнища, украшенные дикобразом, иногда солнцем,¹⁰⁵ а иногда целой композицией, состоявшей из Св. Михаила, солнца и дикобраза под короной.¹⁰⁶

Итальянские войны, длившиеся более полувека и завершившиеся для Франции в 1559 г. Като-Камбрезийским миром, с точки зрения военной организации государства стали вехой, отделившей средневековую эпоху от нового времени. В значительной мере эти перемены коснулись и знамен, которые приобрели и новую форму, и новую символику. Однако королевский штандарт и пеннон, в XVI в. получивший название «корнетт Франции» (*cornette de France*), – всё тот же лазоревый, усеянный золотыми лилиями, – благополучно просуществуют до конца монархии во Франции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Бурков В.Г.** Государственные эмблемы и символы стран Западной Европы. Учебное пособие. СПб., 1998. С. 18.

² Recueil des historiens des Gaules et de la France. Paris, 1873. Т. IV. P. 49-51.

³ **Турский Григорий.** История франков. М., 1987. Кн. 2. Гл. 31. С. 50-51.

⁴ *Historia francorum epitomata per Fredegarii scholasticum.* // *Patrologiae cursus completus, series latina.* Parisiis, 1853. Т. LXXI. Cap. XXI, col. 586.

⁵ *Hincmari archiepiscopi Rhemensis opuscula varia: XXI. Vita Sancti Remigii Rhemorum archiepiscopi.* // PCC, t. CXXV, 1853. Cap. XXXVIII, col. 160.

⁶ *Floardi canonici Remensis Historiae Remensis Ecclesiae libri quattuor* // PCC. Т. CXXXV. L. I, cap. XIII, col. 52.

⁷ По древней традиции язычество и ислам считались тождественными. – Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998. С. 341.

⁸ **Tessier G.** Le baptême de Clovis. Paris, 1964. P. 143-144.

⁹ *Ibid.*, p. 145.

¹⁰ **Блок М.** Указ.соч. С. 341 и 342, сн. 409.

¹¹ **Беха́йм В.** Энциклопедия оружия. СПб., 1995 (Репринт 1890 г.). С. 365.

¹² История Европы. М., 1992. Т. 2. С. 66.

¹³ **Lombard-Jourdan A.** «Monjoie et Saint-Denis!»: le centre de la Gaule aux origines de Paris et de Saint-Denis. Paris, 1989. P. 218.

¹⁴ **Беха́йм В.** Указ.соч. С. 365.

¹⁵ Histoire militaire de la France. Paris, 1992. Т. 1. P. 9.

Цит. no: Desjardins G. Recherches sur les drapeaux français. Paris, 1874. P. 11.

¹⁷ **Dudonis decani S.** Quintini Veromand. De gestis primotum Normanniae ducum libri tres // PCC, t. CXXI, col. 645.

¹⁸ Цит. no: de Bouillé L. Les drapeaux français. Etude historique. Paris, 1875. P. 13.

¹⁹ Цит. no: de Bouillé L. Op. cit. P. 14.

²⁰ **Либек С.** Происхождение франков. V-IX вв. М., 1993. С. 276.

²¹ **Desjardins G.** Op. cit. P. 2,3.

²² Ibid. P. 2, 6.

²³ **Ezeq O.** Средние века. СПб., 1997 (Репринт 1904 г.). С. 105.

²⁴ **de Bouillé L.** Op. cit. P. 14, note 2.

²⁵ Ф. Контамин считает, что это знамя принимает император Константин. – *Contamine Ph. L'oriflamme de Saint-Denis aux XIV-e et XV-e siècle: Etude de symbolique religieuse et royale // Annales de l'Est. Nancy, 1973. Т. 25, N 3. P. 184, note 1.*

²⁶ **Desjardins G.** Op. cit. P. 3-4. Tabl. 1-2.

²⁷ Ibid. P. 4.

²⁸ Цит. по: **Hibbard-Loomis L.** L'oriflamme de France et le cri «Monjoie» au XII-e siècle // *Le Moyen Âge. Bruxelles, 1959. Т. LXV. N 4. P. 469.* Перевод, данный в «Библиотеке всемирной литературы (М., 1976. С. 118), слишком волен для данного анализа.

²⁹ **Hibbard-Loomis L.** Op. cit. P. 471-475.

³⁰ **Lot F.** L'origine de Thibaud le Tricheur // *Le Moyen Âge. Paris, 1907. Т. XI. P. 170, note 1.*

³¹ Цит. по: **de Bouillé L.** Op. cit. P. 29.

³² Жоффруа, первенец Жоффруа Гризогоннеля, умерший ранее отца; Жоффруа II Мартел (†1060 г.), внук последнего; Жоффруа III Бородатый (†1097 г.), племянник предыдущего; Жоффруа IV Молодой (†1106 г.), племянник Жоффруа III; Жоффруа V Красивый Плантагенет (†1151 г.), племянник Жоффруа IV; Жоффруа, граф Нанта (†1158 г.), второй сын Жоффруа V; Жоффруа, первенец Генриха II Плантагенета, умерший во младенчестве (†1158 г.); Жоффруа, брат-близнец Ричарда Львиное Сердце, и т.д. (**Riché P.** *Les Carolingiens. Une famille qui fit l'Europe. Paris, 1983. P. 374; Pernaud R.* *Saint-Louis et crepuscule de la féodalité. Paris, 1985. P. 122-123.*)

³³ **Hibbard-Loomis L.** Op. cit. P. 469-470.

³⁴ Например, *Chronique de Saint-Martin (1043 г.): «...граф Анжуйский Жоффруа Мартел (...) знамя св. Мартина в эту войну согласно обычаю имел...»; Chronique d'Anjou (1044 г.): «...Жоффруа домогался помощи св. Мартина (...) и затем, приняв малое знамя, поднял его на собственном копье, (...) навстречу противнику устремился, подвергая себя опасности...»; Chronique de Saint-Maur-sur-Loir (1066 г.): «...Мы жалуем (...) вместе со знаменем св. Мартина, отправляясь в поход. (...) Год 1066, в правление короля Филиппа и молодого графа Жоффруа Анжуйского (...)» (Цит. по: **Galland A.** *Traité historique et curieux sur des anciens enseignes et étendarts de France. Paris, 1782. P. 25-26.*)*

³⁵ **Barroux R.** L'abbé Suger et la vassalité du Vexin en 1124 // *Le Moyen Âge. Bruxelles, 1958. Т. LXIV. N 1-2. P. 4, note 12.*

³⁶ «...Больше 60 тысяч рыцарей и пеших воинов, включая реймцев и шалонцев, образовали первую «баталию» войска. Воины из Лана и Суассона в меньшем числе составили вторую. Орлеанцы, воины из Этампа и Парижа вместе с многочисленными отрядами из Сен-Дени, верного короне, сформировали третью. Король, который встал во главе их, чтобы командовать, вдохновленный надеждой, которую он возлагал на поддержку своего (небесного – Т.С.) покровителя, сказал тогда: «С этим войском я буду сражаться бесстрашно и доблестно, сильный заботой наших святых патронов. Они меня воспитали как родного у себя. Или живому, они мне помогут. Или мертвого, они меня примут под свою защиту. Граф-палатин Тибо и его дядя благородный Гуго, граф де Труа, который пришел, прервав войну, которую в ущерб Франции он вел против короля Людовика вместе со своим дядей королем Англии, привели четвертую «баталию». Герцог Бургундский и граф де Невер, который шел в авангарде, образовали пятую.

Доблестный Рауль, граф де Вермандуа, побуждаемый родством с королем и имеющий лучшее войско, поставил на правом фланге многочисленную милицию Сен-Кантена и всей своей земли, одетую в доспехи и шлемы; на левом фланге он расположил воинов из Понтье, Амьена и Бовэ. Благороднейший граф Фландрский с 10 тысячами своих храбрых людей (и предупрежденный вовремя, он утроил это число) занял центр. Совсем рядом соперничали друг с другом из-за расположения на местности герцога Аквитанский Вильгельм, доблестный граф Бретонский, грозный граф Фульк Анжуйский; их силы были бы еще больше, чтобы еще сильнее отомстить за оскорбление, нанесенное французам, если бы в том не препятствовали дальние дороги и краткость срока». (Оригинал в Национальном Архиве Франции. Цит. по: Galland A. Op. cit., p. 76).

³⁷ **Barroux R.** Op. cit. P. 7, 9.

³⁸ Sugerii abbatis Sancti Dionysii Liber de rebus in administratione sua gestis. Cap. IV De Vilcassino // PCC, T. CLXXXVI, 1854. Col. 1215.

³⁹ **Du Cange Ch.** Dissertations ou reflections sur l'histoire de Saint-Louis du sire de Joinville. XVIII. De la bannière de Saint-Denis et de l'oriflamme // Collection universelle des mémoires particuliers relatifs à l'histoire de France. Paris, 1785. T.III. P.191.

⁴⁰ **Hibbard-Loomis L.** Op. cit. P. 478.

⁴¹ Ibid; Contamine Ph. L'oriflamme..., op.cit. P.188: датируется после 1274 г. и составлена, возможно, монахом Сен-Дени Вильгельмом из Нанжи.

⁴² **Kelly A.** Eleonor of Aquitaine and the Four Kings. Cambridge (Mass.), 1950. P. 201, 228.

⁴³ **Hibbard-Loomis L.** Op. cit., p. 479, note 25; **Sivéry G.** Philippe Auguste. Paris, 1992. P. 58-59.

⁴⁴ Цит. по: **Hibbard-Loomis L.** Op. cit., p. 480.

⁴⁵ Vitraux de Chartres // Revue «Notre-Dame de Chartres». Turin, s.a. Numero special. P. 12-13, N 11-14; Villette J. Guide des vitraux de Chartres. Rennes, 1987. P. 104, 116-117.

⁴⁶ Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. P. 193.

⁴⁷ Guillaume le Breton. Philippide // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Paris, 1825. T. XII. Chant XI, vers 32-40. P. 321-322.

⁴⁸ **Villette J.** Op. cit., p. 128.

⁴⁹ **de Joinville J.** Histoire de Saint-Louis, roi de France // Historiens et chroniqueurs du moyen vge. Paris, 1952. Chap. XXXIII, p. 240; chap. XXIV, p. 241; chap. XXXV, p. 241.

⁵⁰ Ibid., chap. XLVII, p. 257; chap. XL VIII, p. 258.

⁵¹ Le trésor de Saint-Denis. Paris, 1991. P. 37, note 52.

⁵² Histoire et chroniques de Flandre. Ed. Par J.M. Kervyn de Lettenhove. Bruxelles, 1879. T. 1. P. 281. По другим сведениям, разорванная надвое, она все-таки была спасена Милем де Нуаёе.

⁵³ **Guiart G.** Branche des royaux lignages. Paris, 1828. T. 1. P. 69, vers 1151-1154. Данное описание орифламмы следует считать современным началу XIV в., хотя в поэме речь идет о Филиппе Августе. В.Гиар пользовался сочинением Вильгельма Бретонца, о чем он сам сообщает в Прологе (vers 334, p.18), но у Бретонца описание иное.

⁵⁴ Histoire et chroniques de Flandres, op. cit., p. 345.

⁵⁵ Цит. по: **de Bouillé L.** Op. cit., p. 25.

⁵⁶ Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. P. 220. Tabl., N 5.

⁵⁷ Ibid., P. 221. Tabl., N 4, 6, 7.

⁵⁸ **De Bouille L.** Op. cit., p. 26. Эта миниатюра XV в., по-видимому, отражает сильное влияние современной традиции пеннона, о котором речь пойдет ниже.

⁵⁹ Ibid.; Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. Tabl., N 9.

⁶⁰ **De Bouille L.** Op. cit. P. 26.

⁶¹ **Guiart G.** Op. cit. P. 70, vers 1179-1183.

⁶² Chronique de sire Jean Froissart. Paris, 1838. Т.1. Livre II, chap. CXXV, p. 250.

⁶³ **Juvenal des Ursins J.** Histoire de Charles VI, roy de France. // Buchon J.A.C. Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de la France. Paris, 1838. Т. 11. P. 357. Однако «стражу орифламмы» Вильгельму де Борд было выплачено жалование за период с 12 сентября по 18 ноября 1386 г. - Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. P. 102.

⁶⁴ Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. P. 214, note 1; id. Guerre, état et société a la fin du moyen âge. Etude sur l'armée des rois de France, 1337-1494. Paris, 1972. P. 189.

⁶⁵ Этот алтарь, построенный по приказу аббата Сугерия, находился в хорах. - Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. P. 205, note 4.

⁶⁶ **Desjardins G.** Op. cit., p. 128 (текст конца XV в.); Contamine Ph. Guerre..., op. cit., p. 671 (текст 1365 г.).

⁶⁷ **Juvenal des Ursins J.** Op. cit., p. 337; du Cange Ch. Op.cit., p. 195-196; **Desjardins G.** Op. cit., p. 13; Contamine Ph. Guerre..., op. cit., p. 671.

⁶⁸ «...Благородный король (Филипп IV Красивый – Т.С.) (...) увидел фламандцев (...) и мессира Жильбера (sic!) де Шеврез, который лежал мертвым перед ними с орифламмой в руках». (Istoire et chroniques de Flandre. Op. cit., p. 278).

⁶⁹ «...Там храбро сражался и довольно близко к королю мессир Жоффруа де Шарни, и были вся давка и крик на него, поскольку он носил суверенный банньер короля. (...) И был убит мессир Жоффруа де Шарни с банньером Франции в руках (...)». (Chronique de sire Jean Froissart, op.cit. Т. 1, part 2. Chap. XLIV, p. 354, 355). Также Вильгельм Мартел, сир де Баккевилль, погиб в сражении при Азенкуре 25 октября 1415 г., хотя орифламма тогда не была развернута. - Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. P. 225, note 3.

⁷⁰ Contamine Ph. L'oriflamme..., op. cit. P. 215-216, note 4.

⁷¹ «...Король, который таким образом ей (орифламмой – Т.С.), многочисленный славный ост собирал и побеждал много раз спесивые вражьи нападения, им она была в Сен-Дени положена, монах в его сокровищнице ее оберегал (...). Она все еще в Сен-Дени – я там ее видел (...)» (Guiart G. Op. cit., p. 70-71, vers 1174-1178). После сражения при Роозбеке (1382 г.): «...И потом он (король Карл VI – Т.С.) приехал в Сен-Дени в Иль-де-Франсе близ Парижа в сопровождении своих дядьев и многих баронов и сеньоров. Аббат, монахи и община, и жители города Сен-Дени его встречали широко и торжественно по своим возможностям. И пришел король в церковь, и взял орифламму, сам будучи с обнаженной головой и без пояса, и возложил ее с большим почтением перед святыми мощами, и поручил ее аббату (...)» (Juvenal des Ursins J. Op.cit., p.342. Аналогичная церемония в 1412 г. – Ibid., p.474).

⁷² **Galland A.** Op. cit., p. 86-93; Contamine Ph. Guerre..., op. cit., p. 563, 672-673.

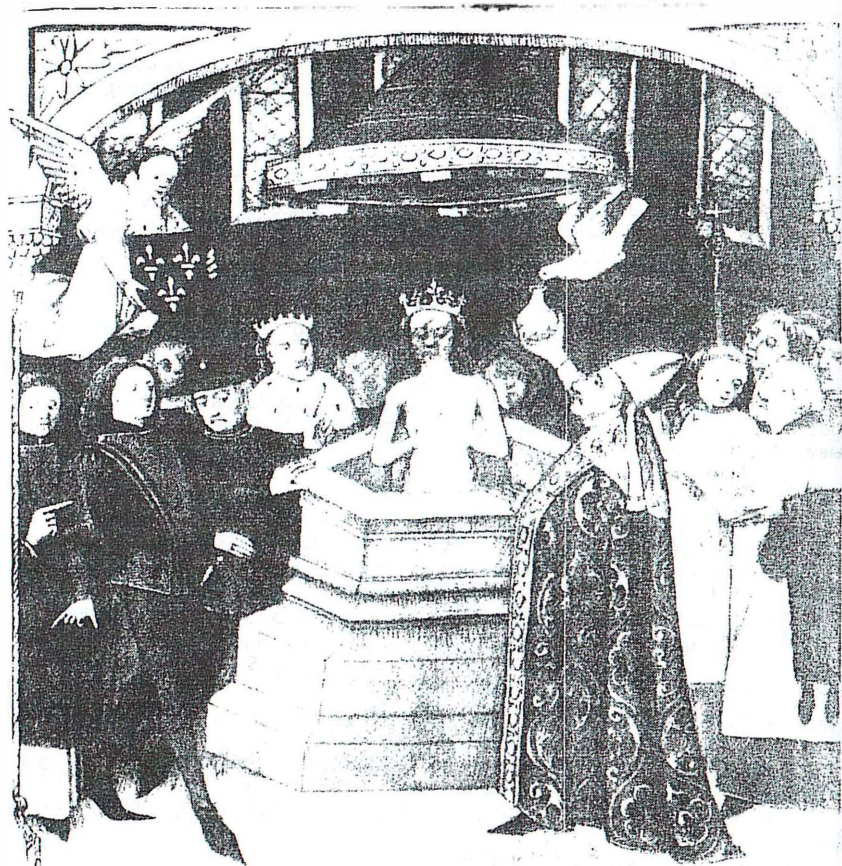
⁷³ Цит. по: Contamine Ph. Guerre..., op. cit., p. 672.

⁷⁴ Contamine Ph. Guerre..., op. cit., p. 671.

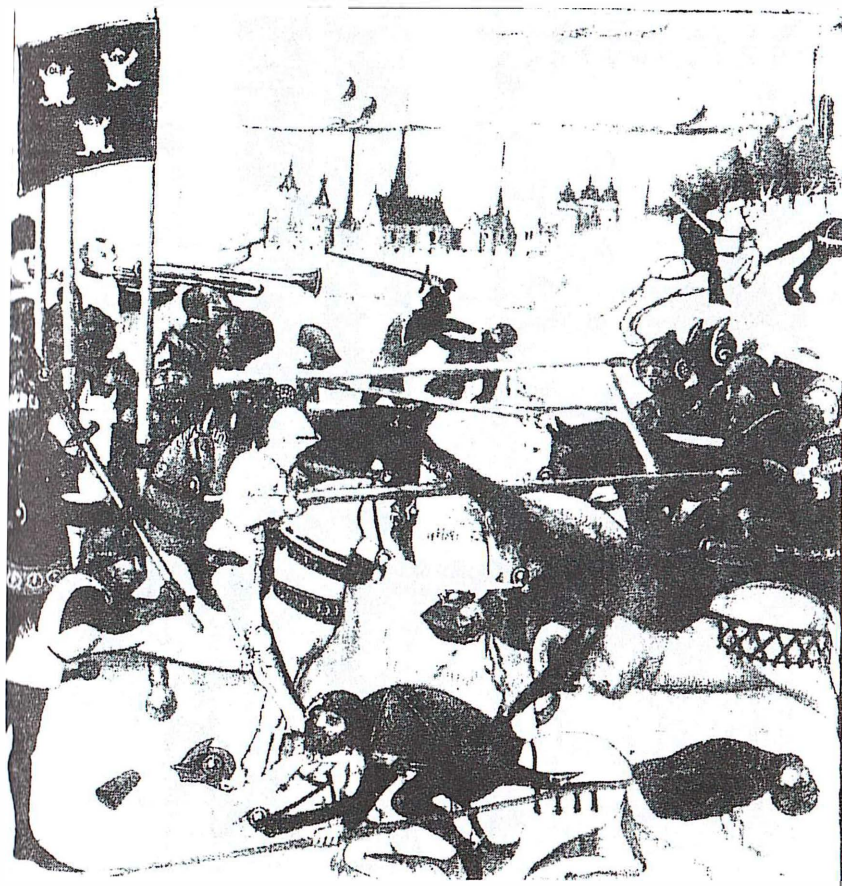
⁷⁵ Ibid., p. 236, note 14.

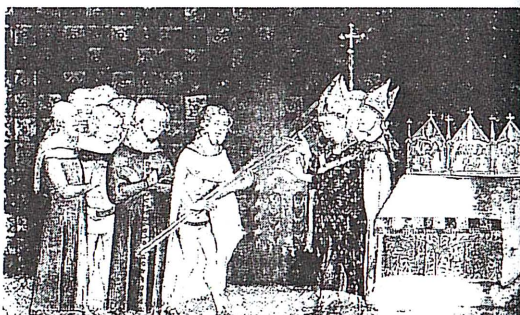
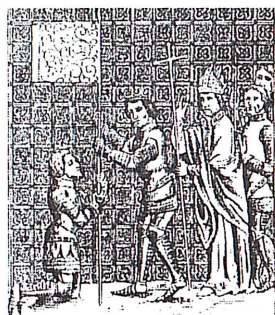
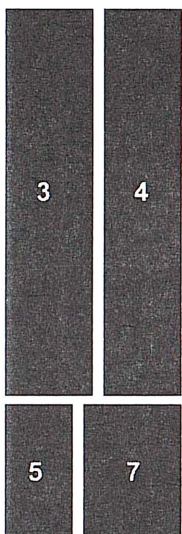
- ⁷⁶ Ibid., p. 672.
- ⁷⁷ В 1417 г. Оливье де Мони, кузен Бертрана дю Геклен, сторонник дофина Карла (будущего Карла VII); в 1418 г. – Мореле де Монмор, связанный с «Бургундцами». – Contamine Ph. *L'oriflamme...*, op. cit. P. 228, note 1.
- ⁷⁸ **de Bouillé L.** Op. cit., p. 26-27.
- ⁷⁹ **Guiart G.** Op. cit., p. 71, vers 1191.
- ⁸⁰ *Chronique de sire Jean Froissart*, op. cit. Livre II, chap. CXCVI, p. 250.
- ⁸¹ Charles d'Orléans. *Poésies*. Paris, 1923. IV. *Complaintes*. P. 111, vers 33: «*Орифламма, которая тебя (Францию – Т.С.) сделала госпожой над твоими врагами*».
- ⁸² **Galland A.** Op. cit. P. 99.
- ⁸³ Ibid., p. 100.
- ⁸⁴ *Le trésor de Saint-Denis*, op. cit. P. 21-22.
- ⁸⁵ *Abbon. Siège de Paris par les Normands // Collection...*, op. cit. T.VI. Paris, 1824.
- P. 14.
- ⁸⁶ **Favre E.** *Eudes, comte de Paris et roi de France*. Paris, 1893. P. 41.
- ⁸⁷ **Рихер**. *История*. М., 1997. Кн.1, гл. 9. С.13. Впрочем, здесь остается масса вопросов, так как король Эд никогда не давал сражения в Лимузене, о котором рассказывает Рихер.
- ⁸⁸ Цит. по: De Bouillé L. Op. cit., p. 29.
- ⁸⁹ Цит. по: Ibid., p. 32.
- ⁹⁰ **de Bouillé L.** Op. cit., p. 33.
- ⁹¹ *Nouveau petit Larousse illustré. Dictionnaire encyclopédique*. Paris, 1939. P. 94.
- ⁹² **Greimas A.J.** *Dictionnaire de l'ancien français jusqu'à milieu du XIV-e siècle*. Paris, 1968. P. 317.
- ⁹³ **Bony J.** *L'image du pouvoir seigneurial dans les sceaux: codification des signes de la puissance de la fin du XI-e au début du XIII-e siècle dans le pays d'oïl // Seigneurs et seigneuries au moyen âge: Actes du 117-e Congrès National des Sociétés Savantes*. Paris, 1993. P. 517. P. I, N 3.
- ⁹⁴ *La France de Philippe Auguste – le temps des mutations. Actes du Colloque International organisé par le CNRS*. Paris, 1982. P. 731. P. I, II, N 13.
- ⁹⁵ *Cuissard Ch. Chronologie des vicomtes de Chateaudun (960-1395) // Bulletin de la Société Dunoise d'archéologie*. Chateaudun, 1896. T. VIII. P. 100.
- ⁹⁶ *Guillaume le Breton. Histoire de Philippe Auguste // Collection...*, op. cit. T. XI, 1824.
- P. 285.
- ⁹⁷ *Vitreaux de Chartres*, op. cit. P. 15, N 17.
- ⁹⁸ Contamine Ph. *Guerre...*, op. cit., p. 671; **Голен Ж.** *Трактат о коронации французских королей (1372-1374 гг.) – Цит. по: Блок М.* Указ. соч. С. 645.
- ⁹⁹ **Greimas A.J.** Op. cit., p. 483.
- ¹⁰⁰ **Guiart G.** Op. cit. T. 2. P. 474-475, vers 12327-12330.
- ¹⁰¹ Цит. по: de Bouillé L. Op. cit., p. 36.
- ¹⁰² **de Bouillé L.** Op. cit., p. 38-39.
- ¹⁰³ *Auvergue. Les vigilles de Charles VII. – Цит. по: Contamine Ph. Guerre...*, op. cit., p. 675.
- ¹⁰⁴ Contamine Ph. *Guerre...*, op. cit., p. 675-676.
- ¹⁰⁵ Ibid., p. 676.
- ¹⁰⁶ de Bouillé L. Op. cit. P. 51, tabl.

**Рис. 1. Крещение Хлодвига 25 декабря 496 г.
Миниатюра XV в. из собрания
Национальной Библиотеки Франции.**

**Рис. 2. Сражение при Суассоне (486 г.) против Сиаргия.
Миниатюра XV в. из собрания
Национальной Библиотеки Франции.**

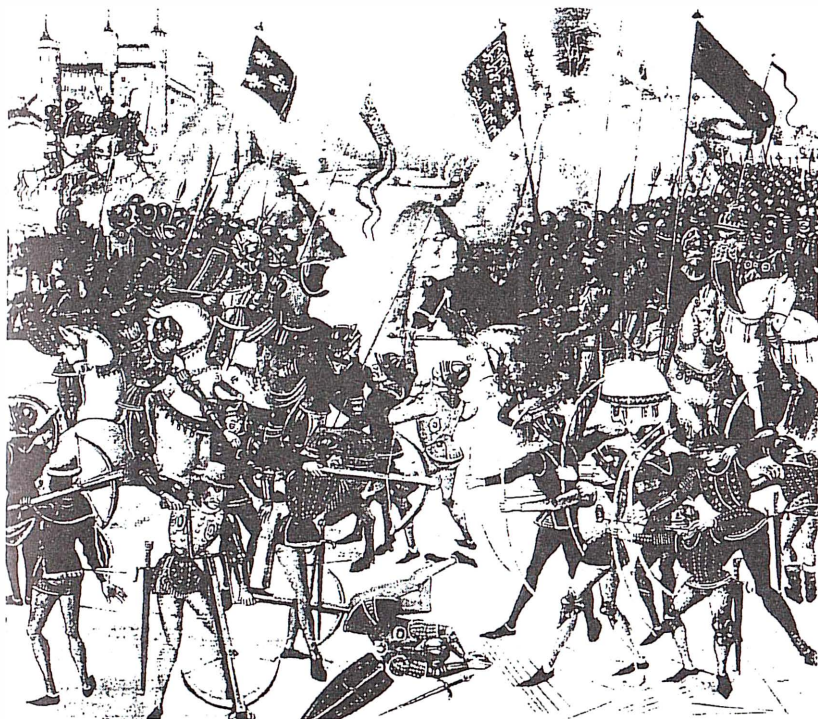
Рис. 3. Фрагмент мозаики "Св. Петр вручает паллиум папе Льву и знамя Карлу Великому" из триклиниума Латеранского дворца в Риме. Конец IX в.

Рис. 4. Жан Клеман, сир дю Мец-ан-Гатине.

Рис. 5. Сражение при Креси. 1346 г.

Миниатюра середины XV в.

Рис. 7. Благословение орифламм. 1365 г. Миниатюра из "Книги коронации Карла V". Из собрания Британского музея.

**Рис. 6. Вручение орифламмы
королем Карлом V
новому "стражу орифламмы"
Пьеру де Вильер,
сиру де Л'Иль-Адам.
9 октября 1372 г.
Миниатюра из рукописи
Жана Голена (1372-1374 гг.)
из собрания Библиотеки целестинцев.
Копия из коллекции Гэньера.**

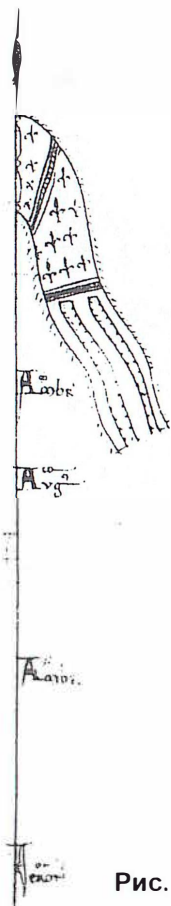

Рис. 9.

Рис. 8.

Рис. 10.

Рис. 8. Печать Людовика VI (1008-1137) от 1100 г.
как короля соправителя Филиппа I.

Рис. 9. Гонфанон Филиппа II Августа (1180-1223).
Рисунок на краю листа рукописи, ок. 1185-1190 гг.,
из библиотеки Сен-Виктор.

Рис. 10. Банньер Людовика VIII (1223-1226).
С витража в соборе Нотр-Дам-де-Шартр.

**ОТ ЗОЛОТЫХ ЖАБ ДО ЗОЛОТЫХ ЛИЛИЙ:
ДЕСЯТЬ СТОЛЕТИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ ВЕКСИЛЛОЛОГИИ**

(см. стр. 33)

**Битва при Бувине в 1214 г.
Миниатюра Симона Мармиона (1420-1489)
из Больших французских хроник.**

**Витраж собора Нотр-Дам-де-Шартр (ок. 1221-1223 гг.):
королевское знамя с золотыми лилиями в руках принца Людовика**